

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ РОССИИ НА ПОЗИЦИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Критика есть опасный враг заблуждений,
пустой, хотя бы и революционной фразы,
но она есть надежнейшая опора истины...

Г. В. Плеханов

Настойчивая работа советских историков над проблемой предшественников российской социал-демократии, рассматривавшейся в контексте генезиса научного социализма в России, высветила методологическое значение положений В. И. Ленина о том, что движение передовой общественной мысли страны к марксизму представляло собой необычно сложный и длительный (примерно с 40-х до 90-х гг. XIX в.) процесс напряженных и многогранных поисков правильной революционной теории. Марксизм Россия «поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Эти положения заключают в себе большую и цельную программу изучения проблемы перехода революционной мысли России на позиции научного социализма. В сложных общественно-политических условиях 20 — первой половины 30-х гг. эта программа не была реализована в полном объеме, хотя с самого начала задача виделась в том, чтобы в свете марксистско-ленинской методологии осмыслить возникновение марксизма в России как насущной потребности времени, закономерного, исторически обусловленного явления. Историки-марксисты обратились к исходным моментам прорыва революционной мысли за пределы господствующей народнической идеологии, к первым шагам преодоления связанных с нею утопических иллюзий. Исследовательская мысль сосредоточилась на выяснении объективных и субъективных предпосылок и решающих факторов перехода группы чернопередельцев во главе с Плехановым на марксистские позиции, на оценке роли

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 7—8.

группы «Освобождение труда» в теоретическом основании русской социал-демократии, в развитии отечественного социал-демократического движения.

Решение этих сложных проблем составляло существенный компонент идейно-политической борьбы историков-марксистов против мелкобуржуазной историографии, которая свои ответы на вопрос о возникновении русского революционного социал-демократизма подчиняла антибольшевистскому извращению всей проблемы генезиса марксизма в стране.

На первый план выдвинулась задача разоблачения меньшевистских или близких к ним историографических тенденций, а также смыкавшихся с ними на почве апологии Плеханова троцкистско-ревизионистских поползновений в самой большевистской партии. Политически заостренные изыскания в русле этих тенденций фокусировались на индивидуальных особенностях мировоззренческого развития Плеханова вне всякой связи их с конкретной, внутренне противоречивой логикой движения русской общественно-политической мысли к марксизму.

При таком подходе к проблеме появление марксизма в стране представлялось в виде интеллектуального подвига Плеханова, из-под пера которого вышла, «точно Минерва из головы Юпитера», концепция «процесса освобождения России». Именно в таком ключе в 1918 г. развивал свои взгляды А. Н. Потресов¹. Для него концепция, созданная Плехановым, — это памятник его необыкновенной проницательности, несравненного сочетания в его натуре революционного борца с трезвостью глубокого мыслителя². В ней впервые «скрестились две линии развития: сформировавшейся русской идейной и просветительной традиции и мирового социалистического рабочего движения». Это и позволило ему, «марксисту-просветителю», «свести западноевропейскую «идеологию» на почву русской истории и из этой встречи иноземной идеи и туземного факта получить наконец не механическую смесь, а органическое соединение, дающее плодотворное движение вперед и европейскому сознанию, и русскому бытию»³.

Это рожденное «от связи Европы с Россией» идейное новообразование, интегрированное гением Плеханова в международное социалистическое рабочее движение, обе-

¹ См.: Потресов А. Г. В. Плеханов // Былое. 1918. № 12 (6). С. 184.

² См. там же. С. 189.

³ Там же. С. 184.

спечило, по мнению автора, не только переворот в практике российского революционного процесса, но и обогатило рядом «подлинных завоеваний» теорию научного социализма, «само учение Маркса»¹. Объясняя эту удивительную «удачу Плеханова», Потресов ограничился беспредметным указанием на «сдвиги», которые произошли в историческом развитии Западной Европы и России к 80-м гг. XIX в. Реально наполнение этих сдвигов, благодаря которым в конечном счете произошел перелом в мировоззрении определенной части революционной интеллигенции, и характер нового идейного течения не интересовали автора. Он антиисторически сливал, превращал в нечто цельное, единое и раз навсегда данное идейно-политическую платформу Плеханова-марксиста с его позициями более позднего периода, когда тот выступал в качестве идейного вождя меньшевизма. Взирая на победоносный Октябрь сквозь шоры «европейского» социал-демократизма, Потресов воскрешал старый, уже отброшенный ходом истории тезис о том, что Плеханов, перекинув мост между Европой и «российской целиной», указал — в противовес большевикам — «неотразимо-верную», единственно возможную дорогу прогрессивного развития России.

Понятно, что меньшевистские и методологически близкие к ним историки всю проблему ограничивали узкими рамками интеллектуальных, «книжных» исканий Плеханова, его поступательных шагов к марксизму, связанных преимущественно с изучением западноевропейской философской, экономической и социалистической мысли. Наиболее отчетливо этот подход проявился в работах Л. Г. Дейча², концепцию которого четко обрисовал М. Н. Покровский: «В основе плехановского марксизма лежала... книга: от того, прочел он эту книгу парю лет раньше или позже, зависело, когда делается марксистом Плеханов и с какого года будем мы датировать торжество пролетарской идеологии в России»³.

Игнорируя внутренние противоречия программно-тактических поисков в недрах революционного подполья, историк-меньшевик представил сложный путь группы чернопеределцев к марксизму в виде крайне упрощенной

¹ См.: Потресов А. Г. В. Плеханов. С. 184.

² Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов: Материалы для биографии. Вып. 1. М., 1922; *Его же*: Как Г. В. Плеханов стал марксистом // Пролетарская революция. 1922. № 7.

³ Покровский М. Н. Плеханов как историк России // Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 5.

схемы: от анархизма к народовольчеству и от последнего — к учению Маркса. Плеханов, по смыслу рассуждений Дейча, в самом конце 70-х гг. — еще «ярый народник», «бакунист», испытывающий, однако, сильное влияние Маркса, Родбертуса, Дюринга, Конта, Бокля, Дрзпера, Луи-Блана, Прудона. Но эта идейная мешанина будто бы не помешала ему уже в статье «Закон экономического развития общества...» (январь — февраль 1879 г.) обнаружить «глубокое понимание марксизма» и даже... «понимание марковского метода»¹. Дейча не смутила полуанархическая трактовка российской действительности и основных проблем освободительной борьбы в плехановских статьях двух первых номеров «Черного передела». Он объяснил их «косностью и инерцией в идейной области»², которые, однако, быстро были преодолены благодаря более глубокому ознакомлению «со всеми крупнейшими произведениями основателей научного социализма, а также и с ходом развития западноевропейского рабочего движения»³.

В те же годы наметилась и другая тенденция, суть которой сводилась к абсолютизации российского рабочего движения 70-х гг. как определяющего фактора перехода революционной мысли страны к марксизму. Генетически эта тенденция восходит к выступлениям Плеханова-меньшевика против взглядов Ленина на соотношение теоретического учения социал-демократии со стихийным движением рабочего класса⁴. Плехановский постулат о «прямой зависимости» формирования социал-демократических взглядов группы «Освобождение труда» от стихийного роста рабочего движения⁵ составил методологическую канву исследований ряда историков, не сумевших преодолеть влияние меньшевистской историографии.

Так, С. Я. Вольфсон доказывал⁶, что крушение народнических воззрений Плеханова было результатом «не книжного, теоретического воздействия, а урока, непосредственно извлеченного из жизни...»⁷. Историк возвел в

¹ См.: Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов: Материалы для биографии. Вып. 1. С. 41.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 63—64.

⁴ См., например: Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 117—134.

⁵ См. там же. С. 118—119, 128.

⁶ См.: Вольфсон С. Я. Великий социалист: Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Минск, 1922; *Его же*: Плеханов. Минск, 1924 (2-е изд. — Минск, 1925).

⁷ Вольфсон С. Я. Плеханов. 2-е изд. Минск, 1925. С. 36.

абсолют его связи с рабочим движением в Петербурге во второй половине 70-х гг., объявил их основным и, по сути дела, единственным «уроком», под влиянием которого верный бакунизму «народник до мозга костей» начал незаметно для самого себя переоценивать ценности¹. Но трактовку процесса этой переоценки Вольфсон, как и Дейч, базировал на тенденциозной и потому во многом ошибочной оценке взглядов Плеханова-землеольца и затем чернопередельца. Именно в его народнических работах он обнаружил ряд «гениально-прозорливых» идей, блестяще подтвержденных победой Октябрьской революции («союз пролетариата с крестьянством», «братский союз народностей... как гарантии прочности революционного преобразования страны»)².

Явное преувеличение теоретической зрелости Плеханова-народника давало Вольфсону основание характеризовать его политическую линию 1880—1882 гг. как своеобразную тактику: не противопоставлять марксизм народничеству, а «пропитать народничество марксизмом», оздоровить его изнутри. Брошюра «Социализм и политическая борьба», по мнению автора, и была первой марксистской разведкой в народническом лагере, первой попыткой применения «новой тактики»³. Окончательное идейно-политическое самоопределение Плеханова Вольфсон связал с его брошюрой «Наши разногласия». Ее анализ дал автору повод для безудержной апологетики Плеханова как «провозвестника великой идеи гегемонии пролетариата», как мыслителя, не знавшего никаких колебаний в своей последующей теоретической деятельности⁴.

Б. И. Горев также в качестве главной предпосылки перехода Плеханова на позиции марксизма выдвигал противоречия между воззрениями «убежденного народника-бунтаря» и его практической деятельностью в среде промышленного пролетариата. Впечатления, вынесенные из связей с передовыми рабочими Петербурга, создали «трещину в цельном народнически-анархистском мирозерцании Плеханова»: он начал пересматривать свои позиции. Изучение произведений Маркса и Энгельса, а также анализ европейского рабочего движения определили «резкий поворот» в его взглядах, хотя это, как

¹ Вольфсон С. Я. Плеханов. 2-е изд. 1925. С. 27, 35, 37.

² Там же. С. 44, 57.

³ См. там же. С. 66, 68—69.

⁴ См. там же. С. 89, 123, 125.

считает автор, явилось лишь завершающим моментом его развития в сторону научного социализма¹.

Позднее в том же духе трактовал проблему М. С. Балабанов. Ставя зарождение социал-демократических воззрений в России в прямую связь с рабочим движением, он особо подчеркивал значение идеологии первых самостоятельных рабочих организаций. «Северный союз русских рабочих», по его мнению, «подорвал стройность народнического учения больше, чем что-нибудь другое», не только фактом создания отдельной организации с программой, радикально отличавшейся от землевольческой, но и тем, что «обобщал и выражал новую стадию, достигнутую рабочим движением»². Балабанов отверг точку зрения тех, кто считал, что в России 70-х гг. «уже существовал «марксизм» и даже были социал-демократы». Полагая, что поиски истины в этом направлении «должны остаться бесплодными», он утверждал: «Если кто наиболее близко подошел к восприятию этого учения, то лишь авторы программы «Северного русского рабочего союза»³. На первый план идейного развития Плеханова Балабанов выдвинул предпринятую последним проверку опыта своей деятельности среди рабочих в свете учения Маркса.

Не вышел за пределы мелкобуржуазной методологии в подходе к проблеме и Н. А. Рожков. Ему не удалось органически связать ее со своим анализом «производственного капитализма» и классовых сдвигов в пореформенной России. Автор признавал, что новые идеи, выдвинутые группой «Освобождение труда», настойчиво диктовались жизненными условиями, «самой жизнью»⁴. Но попытка установить связь «хода вещей» с «ходом идей» осталась в книге Рожкова лишь общей декларацией. Автор ограничился краткой характеристикой идейного облика «Черного передела», который, с его точки зрения, был «исторически важен в качестве связующего, промежуточного звена, соединяющего бывших землеольцев с марксизмом, с социал-демократией»⁵.

Оставив этот тезис недоказанным (если не считать указания на отступление чернопередельцев от «принци-

¹ См.: Горев Б. И. Георгий Валентинович Плеханов. 2-е изд. М., б. г. С. 13—15; *Его же*: Первый русский марксист Г. В. Плеханов. М., 1923. С. 11—13.

² Балабанов М. Очерк истории революционного движения в России. Л., 1929. С. 119.

³ Там же. С. 120.

⁴ См.: Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 11. С. 337, 339.

⁵ Там же. С. 200—202.

пиального аполитизма»), Рожков обратился к анализу больших «идеологических новшеств» группы «Освобождение труда» на основе двух работ Плеханова («Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия»). С первой из них он связал «поворотный пункт» в идеологии российского революционного движения, а «огромную важность» обеих указанных работ усмотрел в том, что они заложили теоретические основы новой революционной партии, которой принадлежало будущее. Плеханов, по словам автора, сумел сделать это, «только изучив литературу научного социализма, наблюдая рабочее движение и развитие капитализма в Европе и изучая сравнительным методом, вооруженный марксистской теорией, экономическую жизнь России»¹. Все эти общие суждения, не лишены оснований, не вносили ничего нового в постановку и решение проблемы. Установить органическую связь возникновения марксистского идейного течения в России с предшествующим развитием общественной мысли и революционной практики Рожкову не удалось, а трактовка дальнейшего развития этого течения отразила сильное влияние меньшевистской историографической традиции.

В противовес этой традиции, подменявшей исторический подход к проблеме плохо прикрытой политической тенденциозностью, советские историки-марксисты обратились к конкретно-исторической разработке ее на основе ленинской методологии, достижений большевистской историографии дооктябрьского периода. К сожалению, движение научной мысли на этом пути отмечено серьезными методологическими шатаниями, связанными в известной мере с тем, что, во-первых, не всегда четко и своевременно осознавался враждебный ленинизму характер идейных и общественных тенденций мелкобуржуазной трактовки проблемы, а во-вторых, — со спецификой ее разработки в обстановке напряженной борьбы с различными оппозиционными группами внутри партии.

В начале 20-х гг. на изучение рассматриваемой проблемы заметное влияние оказал Д. Б. Рязанов. Свою схему развития взглядов Плеханова от народничества к марксизму он построил на его Предисловии к первому тому Собрания сочинений (1905 г.). В этом Предисловии Плеханов утверждал, что свое «великое уважение к материалистическому объяснению истории» он вынес из произведе-

¹ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 11. С. 332—333.

дений Бакунина. Поскольку сам «апостол анархии» признавал эту теорию великим открытием Маркса, постольку уже в народнический период своего развития он, Плеханов, был будто бы твердо убежден в том, что именно она должна дать ключ к пониманию тех задач, которые надо было решить в своей практической деятельности. В этой связи Плеханов указал на свою статью «Закон экономического развития...», а также статьи в газете «Черный передел» № 1 и 2, в одной из которых он писал об экономических отношениях в обществе как основе всех остальных, как коренной причине «не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов...». «Это уже несомненный марксизм, — подчеркивал Плеханов в Предисловии. — Но этот марксизм достиг до моего сознания, пройдя сначала через призму бакунинского учения, и потому он приводил меня к несостоятельным утопическим выводам»¹.

В соответствии с этим Д. Б. Рязанов свел вопрос о «превращении» Плеханова в марксиста к эволюции «от революционного народничества через «чистый» марксизм к революционной социал-демократии», в виде постепенного вызревания «новых марксистских формулировок» под оболочкой чернопередельчества². Среди факторов, способствовавших быстрому освобождению Плеханова «от старых народнических предрассудков», автор указал на опыт, приобретенный им «в непосредственном контакте с рабочим классом в России, и более близкое знакомство с западноевропейским рабочим движением»³.

Правда, Рязанов справедливо усмотрел в плехановском Предисловии большую дозу субъективизма, отметив, в частности, что Плеханов даже в 1878 г. не был (в отличие от Аксельрода и Дейча) «таким бакунистом», каким он себя изображал. Под сомнение он поставил и указание Плеханова на Бакунина как первоисточник своего обращения к учению Маркса, выдвинув на первый план влияние Н. Зибера. Но все это не помешало ему упрощать и «выпрямлять» путь Плеханова к марксизму, утверждать, что в 1880—1881 гг. он был уже «экономическим материалистом», что его письмо, опубликованное в № 3 «Черного передела», — социал-демократическая

¹ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1923. Т. 1. С. 19—20.

² См.: Рязанов Д. Предисловие редактора // Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 13—14.

³ Рязанов Д. Памяти Георгия Валентиновича Плеханова // Вестник профессиональных союзов. 1918. № 2. С. 1.

программа, почти ничем не уступающая «тогдашней немецкой программе».

Взгляды Рязанова, расходясь с ним лишь в частности, развивал В. Ваганян. Он ухватился за высказанное в плехановском Предисловии положение о том, что главная идея его народнических взглядов «не так далека... от основной идеи марксизма», что его марксистское мирозерцание «представляет собой не более, как логическое развитие» этой основной идеи (т. е. примата экономики над «политикой»). Исходя из этого, Ваганян заключил, что последовательным народником-бакунистом Плеханов был лишь до зимы 1878 г. Поверхностный анализ статьи «Закон экономического развития...» привел его к убеждению, что народничество Плеханова уже с начала 1879 г. значительно отличалось «от нормального тогдашнего народничества», ибо здесь (еще накануне Воронежского съезда!) у него наметилось «ясное развитие от утопизма Бакунина к научному социализму...»¹. Понятно, что поражение Плеханова в борьбе со сторонниками «политики» на Воронежском съезде Ваганян расценил как победу «привычного утопизма над намечающимся научным решением дилеммы, стоящей перед революцией и революционерами»².

Это и была та кривая призма авторских воззрений, сквозь которую Ваганян рассматривал эволюцию взглядов Плеханова на основе его работ 1879—1882 гг. Опасаясь быть заподозренным в преувеличении «наследства», полученного русским марксизмом от народничества, он особо подчеркивал феноменальный характер, исключительность «научных тенденций» в плехановском народничестве. Эти тенденции будто бы позволили Плеханову, почерпнувшему из сочинений Бакунина свою «философию истории», уже в № 3 «Земли и воли» сделать попытку «преодолеть противоречия бакунинской идеологии народничества», «бакунинского исторического материализма»³. Толкали Плеханова на это, по мнению автора, опыт пропаганды среди рабочих и влияние Зиберера. Но в отличие от Рязанова он настойчиво подчеркивал, что к Марксу будущий вождь российской социал-демократии шел не от Зиберера, а от Бакунина⁴.

¹ См.: Ваганян В. Г. В. Плеханов: Опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924. С. 27, 31.

² Там же.

³ См. там же. С. 33, 36, 52.

⁴ См. там же. С. 36.

Может показаться, что Ваганян, выделяя опыт практической деятельности Плеханова, раздвигал узкие, «книжные» рамки, в которые заключали его идейное развитие историки-меньшевики. Но это не так. Автор даже не приблизился к научному истолкованию значения указанного фактора. Упоминание о нем понадобилось ему лишь для поистине фантастического вывода о том, что к началу 1879 г. Плеханов уже был, «подобно рабочему движению (?! — Р. Ф.), по своим теоретическим запросам на целую голову выше своих товарищей народников, как и будущих народовольцев...»¹. Ваганян, следовательно, искусственно или, лучше сказать, бездумно перенес позднейшую плехановскую оценку идейного уровня «Северного союза русских рабочих» на самого Плеханова землевольческого периода, подтянул его тогдашнее мировоззрение до идеологии «рабочей демократии» 70-х гг. Столь грубое искажение истины повлекло за собой массу других несообразностей и бесконечных противоречий.

Нет необходимости углубляться в лабиринты этих противоречий. Достаточно сказать, что Ваганян, книга которого насквозь пронизана тенденциозностью, не вышел за пределы эволюционистских представлений о переходе Плеханова и группы его соратников по «Черному делу» к марксизму. Вся его концепция строилась на признании наличия в чернопредельчестве (а по отношению к Плеханову и в землевольчестве) ряда элементов, дальнейшее развитие которых привело к учению Маркса. Плеханов, по мысли автора, оказался единственным человеком, который сумел до конца «продумать и развить эти элементы, заложенные в народническом бакунизме...»². Нечего и говорить, что такой подход исключал саму возможность выявить всю сумму факторов, обеспечивших «революцию в умах» лучшей части народнической интеллигенции, вскрыть в самом развитии революционного движения внутренние источники сложных и трудных теоретических поисков. В методологическом отношении Ваганян покорно следовал за Плехановым-меньшевиком, что и сообщало всем его изысканиям ревизионистский характер.

Первые серьезные попытки рассмотреть проблему зарождения марксизма в России как закономерного результата ее социально-экономического развития и

¹ Ваганян В. Г. В. Плеханов: Опыт характеристики социально-политических воззрений. С. 34.

² Там же. С. 75.

связанных с ним поисков правильной революционной теории принадлежат М. Н. Покровскому. Решение проблемы он искал на путях использования марксистского материалистического метода в изучении деятельности Плеханова и группы «Освобождение труда», поскольку в последней он видел «первую русскую марксистскую социал-демократическую организацию 80-х гг.» В 1923 г. он справедливо сетовал на то, что у нас нет работы о Плеханове, которая бы целиком базировалась на марксистском методе и брала всю его литературную деятельность «как отражение объективно происходившего в России рабочего движения». Без такого подхода, утверждал он, «нам никогда не понять причин величия и падения величайшего из русских марксистов»¹.

Но сам Покровский в то время был еще далек от глубокого осмысления ленинских положений о диалектике взаимозависимости возникновения научной идеологии пролетариата и его стихийной экономической борьбы. С этим связан односторонний и во многом вульгаризаторский характер его суждений, несмотря на стремление охватить всю сумму предпосылок и факторов, определивших появление марксизма на русской почве.

В противовес меньшевистским историкам Покровский подчеркивал, что появление группы «Освобождение труда» вовсе «не было каким-то внезапным фактом, объясняющимся исключительно литературными занятиями Плеханова и его друзей. Этот факт был подготовлен всей предшествующей историей русского революционного движения; он был подготовлен... идеологическим поворотом, который произошел в Плеханове под влиянием наблюдения петербургских стачек, и тем поворотом в ориентировке народолюбцев, который сказался в... желябовской программе»².

В этой формулировке нашла отражение вся та противоречивость, которая в причудливой форме отразила исторически ограниченную, но глубоко творческую мысль историка-марксиста. Поиски «корней большевизма» в программно-тактических идеях революционной демократии 60—70-х гг. не помешали ему увидеть, что появление марксизма в России вовсе не является результатом «филиации идей» или простого «перенесения» идей Марк-

са и Энгельса в Россию. Покровский говорил о «выработке», «складывании» марксистского мирозерцания, подчеркивая тем самым, что это был сложный процесс, в основе которого лежали пореформенная капиталистическая действительность со всеми ее противоречиями и рост рабочего движения¹. Тем самым он утверждал ту постановку вопроса, которая была уже очерчена в дооктябрьской большевистской историографии.

М. Н. Покровский последовательно разграничивал стихийную экономическую борьбу рабочих и сознательное революционное движение в его среде. Эта позиция позволила ему достаточно ясно обрисовать контуры поступательного развития сознательной пролетарской борьбы, сомкнувшейся в конечном счете с марксизмом: «В первой половине 70-х гг. были отдельные рабочие-революционеры и отдельные революционные рабочие кружки; во второй половине этого десятилетия были уже рабочие организации, ставившие себе политические задачи. В 90-х гг. кружки кишели во всех промышленных центрах России, а организации складывались в *политическую партию пролетариата*». К 90-м гг., отмечал автор, у нас была выработана теория классовой борьбы пролетариата, «существовал русский марксизм»². Анализ рабочего движения, деятельности и идеологии первых рабочих союзов позволил Покровскому с полной убежденностью говорить, что на этой основе «уже в 70-х годах начинает понемногу у нас вырабатываться марксистская идеология»³.

Но выработку этой идеологии он не связывал с программными достижениями первых рабочих союзов. В отличие от историков, стремившихся «подтянуть» их к марксизму, Покровский отмечал лишь способность передовых рабочих 70-х гг. «внести в движение нечто новое, свое». Мысль историка сводилась к тому, что рабочее движение (как чисто стихийное, так и сознательное) послужило лишь толчком к пересмотру прежней народнической доктрины отдельными представителями революционной интеллигенции. К этим последним он отнес прежде всего Г. В. Плеханова, которого непосредственная связь с петербургскими

¹ См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 87. См. также: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 188.

² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 185—186.

³ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 67.

¹ Покровский М. Н. Г. В. Плеханов как историк России. С. 6.

² Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 80.

рабочими навела «на целый ряд соответствующих выводов», нашедших отражение в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России». Это, полагал историк, была «первая марксистская статья Плеханова»¹.

Эта ошибочная оценка повлекла за собой соответствующую интерпретацию ее основных положений. Покровский нашел здесь «предсказание» не только идей брошюры «Об агитации», значение которой для 90-х гг. он преувеличил, но и идею боевой рабочей партии, идею «будущего большевизма»². Признавая в указанной статье Плеханова наличие чисто народнических заявлений, Покровский считал, что она всё-таки дает возможность видеть в ее авторе «диалектического материалиста»³. Этот подход к анализу идейного содержания народнической статьи Плеханова не выдерживает, конечно, никакой критики: Покровский не сумел верно оценить тот лежащий на поверхности факт, что ее автор, «по Марксу», доказывал жизнеспособность землевольческой программы, а рабочих рассматривал как «часть того же самого крестьянства»⁴. Впрочем, это не помешало ему нанести весомый удар по концепции Л. Г. Дейча: «...к своей пролетарской революционной позиции Плеханов шел не от книжки, как изображает Дейч, как изображали до сих пор, а от действительной жизни, от той реальной борьбы, которая происходила на его глазах. Плеханов марксистом сделался, не изучая Маркса в подлиннике, как думает Дейч, а наблюдая в подлинном виде рабочее движение, и только это рабочее движение, конечно, и натолкнуло его на чтение и изучение Маркса. Этот факт чрезвычайно полезно запечатлеть в своем сознании прежде всего из методологических соображений, — чтобы понять, как возникает идеология: идеология возникает всегда на почве определенной действительности»⁵.

При этом важно отметить, что Покровский, говоря о влиянии рабочего движения на поворот Плеханова к марксизму, допускал явные противоречия. В своем «Сжатом очерке» на первый план он выдвинул его личное знакомство (после отъезда из России в 1880 г.) с движе-

¹ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 67—68.

² См. там же. С. 70.

³ См.: Покровский М. Н. Г. В. Плеханов как историк России. С. 5.

⁴ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 67, 69.

⁵ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 70—71.

нием европейского пролетариата как фактором, позволившим поставить под сомнение народнические взгляды, обратиться к более близкому знакомству с марксистской литературой¹. А в «Очерках по истории революционного движения...» он давал понять, что наблюдения над рабочим движением в Петербурге уже в 1878—1879 гг., по сути дела, превратили Плеханова в марксиста.

Наряду с рабочим движением, в качестве второго важнейшего условия, обратившего мысль русских революционеров к марксизму, Покровский вполне обоснованно выдвигал тот факт, что после 1 марта 1881 г. «народническое движение попало в совершенный тупик». В «Сжатом очерке» он связывал этот тупик с тем, что народовольцы потерпели крах в своих надеждах на поддержку буржуазии, а другого общественного класса, на который можно было бы опереться, они не видели. Плеханов как раз и явился тем «смелым человеком», который взял быка за рога — пересмотрел с марксистских позиций вопрос о капитализме в России, что и обусловило его полнейший разрыв с народнической идеологией. На основе анализа важнейших идей «Наших разногласий» историк заключил, что Плеханов оказался «по ту сторону водораздела между «Народной волей» и «Черным переделом», на совершенно новой почве, на которую еще не вступала нога русского революционера, но по которой потом русская революция дошла до Октября 1917 года»².

Несколько позднее Покровский пересмотрел этот крайне прямолинейно выраженный (а по отношению к «Народной воле» вообще ошибочный) взгляд. В «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» он выдвинул тезис о переориентировке А. И. Желябова на рабочий класс. Поставленная в связь с этим тезисом мысль о «перевороте» в идеологии Плеханова не могла получить никакого развития: автор давал понять, что основной идейный сдвиг в сторону марксизма был сделан уже в недрах «Народной воли» («желябовская программа»). С этой точки зрения выработанные группой «Освобождение труда» проекты программы оценивались лишь как дальнейший, еще более решительный отход от «старой идеологии»³.

¹ См.: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 268.

² Там же. С. 188.

³ См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 80—81.

Затем, опираясь на публикации новых документов о рабочем движении 70-х гг., Покровский внес в эти суждения еще один нюанс, логически предопределивший недооценку роли Плеханова и его группы в процессе, который он характеризовал как переход от народнического понимания революции к марксистскому¹. Анализируя опубликованную Э. А. Корольчук рукопись неуставленного автора «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 года», он отодвинул появление «идеи классовой, пролетарской революции в России» к началу 1877 г. Оговариваясь, что взгляды автора рукописи еще не являются марксизмом в настоящем смысле этого слова, Покровский писал: это уже отречение от народничества почти столь же полное, как и в статьях Плеханова. В лице автора рукописи историк увидел «еще одного предшественника Плеханова по линии марксистской идеологии», причем «не менее четкого... чем был сам основоположник российской социал-демократии в 1870-х годах»².

Из всего строя суждений Покровского вытекало, что «центром русского марксизма» группа «Освобождение труда» стала лишь в силу невозможности разрабатывать какую бы то ни было теорию в обстановке лютой реакции, наступившей после разгрома «Народной воли». «По сочинениям Плеханова училась тогда вся молодежь,— писал он.— Но успех группы «Освобождение труда» объясняется тем, что почва для нее была чрезвычайно хорошо подготовлена. И независимо от Плеханова и его влияния у нас на каждом шагу возникали марксистские кружки и сами народовольцы все чаще и чаще переходили к марксистам»³. Этот во многом умозрительный взгляд имел своим положительным следствием более пристальное внимание историков к проблеме социальной обусловленности и исторической необходимости появления марксизма на русской почве. Но, с другой стороны, он по-своему закреплял ту историографическую тенденцию, которая базировалась на противопоставлении группы «Освобождение труда» социал-демократическому движению в самой России, а также давал дополнительные

аргументы тем, кто «подтягивал» к марксизму «Народную волю».

Так, С. И. Мицкевич, смыкаясь в этом отношении со взглядами Покровского, фактически сводил на нет историческую роль Плеханова, а затем и группы «Освобождение труда» в процессе зарождения марксизма в России. Он находил «явное влияние революционного марксизма» в «Программе рабочих членов партии «Народная воля», более того, считал ее «этапом перехода от народничества к марксизму». Полагая, что многие народовольцы (Зунделевич, Жебунев, Лопатин и др.) разделяли взгляды Маркса, Мицкевич проводил мысль о популярности в революционной среде марксизма в «народовольческом понимании», т. е. приблизительно в таком, в каком он изложен у Плеханова в его первом проекте социал-демократической программы, отводившей особую роль интеллигенции и террору, «к чему, по-видимому, присоединялся тогда и сам Маркс»¹. Следовательно, согласно Мицкевичу, народовольцы 1880—1881 гг., по сути дела, выступали уже носителями таких идеологических и тактических принципов, какие позднее были лишь «изложены» группой «Освобождение труда», которая даже в 1884 г. не ушла будто бы дальше «народовольческого» понимания марксизма.

Снимая, таким образом, проблему мировоззренческого переворота, связанного с целостным восприятием научного социализма в России (мы не говорим уже о совершенно превратном понимании позиции Маркса), Мицкевич выдвигал ошибочную трактовку и последующего развития марксистской мысли и социал-демократического движения в стране. Он утверждал, что в период политической реакции 80-х гг. революционное движение в России заглохло, а с ним вместе заглох и революционный марксизм, начавший снова разгораться лишь с начала 90-х гг.²

Представления о спонтанном характере возникновения марксизма в России, подрывавшие традиционные взгляды на группу «Освобождение труда» как родоначальницу российской социал-демократии, стимулировали поиски документов и фактов, которые, при соответствующей интерпретации, давали возможность говорить о наличии еще в 70-х и самом начале 80-х гг. социал-демократических групп или отдельных лиц, выступавших убежденными сторонниками марксистских взглядов³.

¹ Пролетарская революция. 1923. № 6—7 (18—19). С. 21, 32.

² См. там же. С. 32—33.

³ См., например: Корольчук Э. Русские социал-демократы в

¹ См.: Покровский М. Н. 1905 год // Избранные произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 139.

² Покровский М. Н. Казанская демонстрация 1876 года // Избранные произведения. Кн. 4. С. 77—78.

³ Покровский М. Н. 1905 год. С. 139—140.

Наиболее крупная (как в методологическом, так и концептуальном отношении) попытка рассмотреть проблему генезиса марксистской мысли и социал-демократического движения в России связана с научной деятельностью В. И. Невского. Центром тяжести его интересов в этой области неизменно оставалась группа «Освобождение труда». Но он хорошо понимал, что путь ее деятелей к марксизму представляет лишь чрезвычайно важное и в известном смысле определяющее звено прочно связанного целого — перехода революционной мысли страны от утопии к науке. Заслуга историка-марксиста в том и состоит, что он впервые взял на себя труд, опираясь, по его собственным словам, на метод Маркса, исследовать это целое, дать материалистический анализ возникновения и развития социал-демократии на почве России, выделить характерные черты и национальное своеобразие первых подступов к решению исторической задачи, осветить стихийное рабочее движение «передовой наукой своего времени»¹.

Решая эту масштабную задачу, Невский стремился органически связать переход народничества к марксизму не только с общими закономерностями социально-экономической эволюции страны, но и с конкретно-историческими коллизиями развития народнической доктрины в теоретическом и практическом направлениях. При этом «важнейшим» вопросом он считал определение тех условий в революционной среде, «при каких и из каких рождалась группа «Освобождение труда», т. е. тот теоретический сдвиг в революционной идеологии, который возник на основе экономического преобразования нашей страны, на основе того процесса, который вызвал две новые силы России — пролетариат и буржуазию»². В идейном размежевании народнической интеллигенции в соответствии с потенциальными возможностями и интересами этих сил Невский с несколько вульгарной прямолинейностью усматривал весь смысл глубинных процессов, вызвавших кризис движения, опиравшегося на теорию «крестьян-

ского социализма». С точки зрения Невского, именно кризис народничества, predetermined экономическим развитием страны, вызвал к жизни социал-демократию¹.

«Механизм» движения революционной мысли страны к идейным новообразованиям, выросшим на почве раскола «буржуазного по своей сути народничества», автор изображал в упрощенном виде. В революционном движении пореформенного периода он находил две классовые прослойки — буржуазную и пролетарскую и соответственно две струи в идеологии — буржуазно-демократическую и социалистическую. Поскольку эти две струи размежевались не сразу, постольку попытки мелкобуржуазной народнической интеллигенции оформить свое классовое мирозерцание «вылились сначала в программах мелкобуржуазного утопического социализма и вполне отражали настроение многомиллионного крестьянства»². Но капиталистическая эволюция разбила утопические иллюзии интеллигенции, революционное движение в конце 70-х гг. закончилось кризисом и расколом летом 1879 г. «Земли и воли».

Этот раскол выдвинул, с одной стороны, «борцов за буржуазную конституцию под знаменем утопического социализма, радикалов в европейском смысле слова» («Народная воля»), а с другой — сохранил «народничество старого типа» («Черный передел»). Это, по Невскому, первая ступень эволюции, которая далее идет «глубже и шире»: героический радикализм Желябова и Перовской «вырождается в самую оппортунистическую идеологию мелкой буржуазии», превращается в реакционную идеологию, которая «вносит окончательное разложение в умирающее старое народничество», а «народничество старого типа» в лице «Черного передела» «эволюционирует к социал-демократии...»³. Смысл происходившей эволюции, следовательно, заключался в том, что «одна часть революционной интеллигенции 70-х и 80-х годов эмансипировалась от мелкобуржуазного социализма в сторону либеральной буржуазии (зародыш у Присецкого, Якубовича,

1879 г. // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 2. С. 412—415; Виктор П. П. Первое открытое революционно-марксистское выступление в России (1881 г.) // Пролетарская революция. 1923, № 6—7 (18—19). С. 32—52.

¹ В кавычках — слова В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 244.

² Невский В. Предисловие // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 3—4.

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

² Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 51.

³ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

Корбы и т. п.), а другая — в сторону научного социализма Маркса и Энгельса»¹.

Не трудно заметить, что в своей попытке органически связать движение революционной мысли России к марксизму с кризисом и эволюцией народничества Невский стремился опереться на ленинскую концепцию. К сожалению, эта концепция не была освоена им в той мере, которая была необходима для преодоления историографических традиций, решавших проблему в плоскости постепенной эволюции народничества к социал-демократии. Невский не сумел в исследовательском плане реализовать указание Ленина на две тенденции в народничестве (либеральную и демократическую), его знаменитые положения о слитности идей демократии и социализма в идеологии революционного народничества 60—70-х гг. и классовый смысл раскола «старого русского крестьянского социализма». Все это придавало обобщениям Невского характер грубоватой прямолинейности и схематизма. Именно в таком духе автор осмыслил замечание Ленина об «эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов...»².

Здесь важно подчеркнуть, что указанием на эволюцию этой народнической организации к марксизму концепция Невского не исчерпывается. Он считал, что социал-демократия в России возникла и развивалась в виде двух могучих «параллельных течений»: одно шло из-за границы от группы «Освобождение труда», другое возникло в России совершенно самостоятельно, хотя и несколько позже³. Но самая существенная, хотя и наименее обоснованная сторона концепции Невского состоит в том, что он выводил эти течения из двух источников. Первый из них — народничество. В недрах «Земли и воли», рассуждал Невский, родился «Черный передел». Его члены «путем медленной эволюции» пришли к осознанию ошибочности своей программы. Под влиянием развивающегося капитализма, рабочего движения и учения Маркса, с которым чернопередельцы «особенно хорошо познакомились за границей», их эволюция от социализма мелкобуржуазного к социализму пролетарскому протекала «сравнительно быстро». Группа «Освобождение труда», группы Благоева

¹ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 51.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 247—248.

³ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

и Бруснева — вот первая ветвь русской социал-демократии, выросшая из недр старого народничества.

Рядом с нею, полагал Невский, выросла «другая, самобытная, русская, развившаяся в России независимо от народничества или, вернее, в противовес ему». Объясняя происхождение этой ветви, автор писал: «Как в недрах самого рабочего класса в семидесятые годы родились такие гиганты, как Обнорский и Халтурин, так и в восьмидесятые годы в среде мелкобуржуазной интеллигенции выдвигаются вдумчивые люди, которые, анализируя факты современной действительности — развивающийся капитализм, расслоение деревни, развитие рабочего движения, разложение старых революционных идеологий, — приходят медленным процессом к тому же самому пути, к которому пришли чернопередельцы, к марксизму»¹. В эту ветвь Невский включал П. В. Точисского, Ювеналия Мельникова, самостоятельно «додумывающихся» до марксизма, а также П. Н. Скворцова, Н. Е. Федосеева, А. А. Санина, В. И. Ульянова.

Мысль Невского о двух «параллельных течениях» в развитии русской социал-демократии была навеяна, несомненно, воспоминаниями Ленина о Н. Е. Федосееве. Содержащееся в них положение о расширении в России марксистского направления, идущего «навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой «Освобождение труда»², стала известна Невскому в 1923 г. и не была еще осмыслена в контексте ленинской концепции раннего социал-демократического движения.

Все это сказалось на трактовке пути Плеханова и других чернопередельцев к марксизму. Постепенную эволюцию их взглядов в сторону научного социализма Невский рассматривал как проявление «большого идейного кризиса», который они переживали в начале 80-х гг.³ Смысл и характер этой эволюции представлялся автору в виде привнесения новых, чуждых народничеству идеологических элементов в теоретическую концепцию, выработанную всем предшествующим революционным периодом. Историк считал, что в мировоззрении чернопередельцев задолго до возникновения группы «Освобождение труда» имелись элементы марксизма, которые под влиянием

¹ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 508.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324.

³ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 98.

растущего рабочего движения «крепли и увеличивались»¹. В этом умозрительном суждении нашел отражение распространенный в 20-е гг. взгляд на развитие марксизма в России как сугубо эволюционный процесс накопления и роста элементов научного социализма в мировоззрении революционных народников.

В этом отношении Невский следовал старой концепции Стеклова и Ваганяна (в той мере, в какой она нашла отражение в его статье «Г. В. Плеханов. От народничества к марксизму», напечатанной в 1923 г. в журнале «Под знаменем марксизма»). Говоря об эволюции взглядов Плеханова, Невский ссылаясь на точку зрения этих авторов, довольно хорошо, по его словам, проследивших ее². Ничего нового в решение этого вопроса он, по сути дела, не внес, повторив ту идею, что переход Плеханова на новые позиции — это переход от ортодоксального бакунизма к ортодоксальному марксизму. Теоретическое творчество Плеханова на этом пути — от статей в «Земле и воле» до статей в «Черном переделе» — представлялось историку как «смесь положений Маркса с положениями чистого народничества»³. Излагая содержание плехановской статьи «Закон экономического развития...», Невский писал: «...Плеханов, признавая основные положения учения Маркса, будучи последователем его теории, когда речь шла о Западе, оставался социалистом-утопистом, как только речь заходила о России»⁴. В основе этого вывода лежат, конечно, преувеличенные представления самого Плеханова о роли софистицированного Бакуниным материалистического понимания истории для его перехода на подлинно марксистские позиции.

Начало «эмансипации» Плеханова от народничества Невский относил к землевольческому периоду его деятельности, связывая этот процесс с постепенным уклонением от «ортодоксальных взглядов Бакунина». В анализе идейного смысла, хода и исхода этого «уклонения» он опирался на концепцию Плеханова. Содержащиеся в ней противоречия не были им учтены. Взгляды будущих основателей группы «Освобождение труда» в момент эмиграции их из России (январь 1880 г.) Невский выразил цитатой из статьи Плеханова «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли»: «В идейном отно-

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 217.

² См. там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же.

шении мы оставались последовательными народниками, и никогда прежде идеи революционного народничества не выступали в таком стройном виде, какой они получили в ту пору». И здесь же, фактически отвергая это положение, автор находил в их взглядах настолько глубокие сдвиги, что, оказывается, достаточно было «чисто внешнего толчка», чтобы полностью пересмотреть народническую доктрину. «...Стоило только Плеханову за границей поближе из первоисточника познакомиться с идеями научного социализма, как это ортодоксальное народническое мирозерцание потерпело крах»¹.

В идейном развитии группы «Освобождение труда» Невский справедливо выделял период 1883—1894 гг. (период «теоретической выработки основ программы» партии)². Но в рамках этого периода он выделял еще два: первый — примерно до конца 80-х гг. и второй — до середины 90-х. Первый период рассматривался как время идейного самоопределения группы «Освобождение труда». «Только к концу 80-х годов, — писал он, — выясняются контуры и основные черты программы для Плеханова и еще позже для русских социал-демократов у себя дома». К этому времени, полагал историк, «даже программа социал-демократии еще не была упрочена ни в группе «Освобождение труда», ни в России»³. Автор проводил мысль, что работа группы Плеханова «еще не успела дать своих результатов»⁴. Они проявились лишь во второй период, т. е. с конца 80-х и особенно с начала 90-х гг., когда молодые социал-демократы, приезжавшие из России, дали группе более или менее тесные связи с родиной. Только с этого времени плехановская группа стала оказывать «очень большое идейное влияние» на русских марксистов⁵. Именно с этого времени, утверждал Невский, Плеханов «надолго становится и идейным вождем российской социал-демократии»⁶.

Выделение двух периодов в деятельности группы «Освобождение труда» на протяжении 1883—1894 гг. не получило поддержки среди историков: оно не имело под собой достаточных оснований, как не имела их и идея

¹ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 14—15.

² См. там же. С. 52.

³ Там же. С. 540.

⁴ См. там же. С. 267, 269.

⁵ Там же. С. 365.

⁶ Там же. С. 339.

«двухструйного» развития российской социал-демократии. Стремление обосновать эти моменты привело Невского к серьезным ошибкам в трактовке идейного развития группы «Освобождение труда» и многим противоречиям в попытке нарисовать общую картину движения революционной мысли страны к марксизму. С одной стороны, прямолинейно постулируя зависимость возникновения российской социал-демократии от стихийного роста рабочего движения, Невский доказывал, что в России на этой основе «до социал-демократии додумывались совершенно самостоятельно»¹. С другой — подрывал этот тезис, говоря «об огромном идейном влиянии произведений группы («Освобождение труда») и особенно ее вождя Г. В. Плеханова на все существующие организации в России...»² (выделено мной. — Р. Ф.). С одной стороны, он утверждал, что группа «Освобождение труда» в течение 80-х гг. сама еще только искала «точной формулировки своих взглядов»³. С другой — заявлял, что «все более или менее солидные социал-демократические организации России приняли выработанную ею программу»⁴.

Таким образом, В. И. Невский не сумел до конца преодолеть эволюционистские взгляды на переход революционной мысли страны к марксизму, и это не могло не отразиться на его общей концепции развития российской социал-демократии 80 — начала 90-х гг. Тем не менее всем своим содержанием она противостояла концепции Ю. М. Стеклова, утверждая плодотворную идею исторической закономерности возникновения марксистского идейного течения в России в прямой связи с объективными процессами капиталистического развития и его социальными последствиями. Наблюдения Невского помогали осознанию того, что это течение явилось результатом принципиального и решительного разрыва с народничеством.

К сожалению, серьезные ошибки в подходе к проблеме эволюции народничества помешали ему воплотить свои наблюдения над переходом «от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему»⁵ в закон-

¹ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

² Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 337.

³ Там же. С. 269.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ В кавычках — слова В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 247.

ченную картину революционного по своей сути идейного перелома, связанного с целостным восприятием учения Маркса и Энгельса группой «Освобождение труда». Препятствовала этому и схема «двухструйного» развития социал-демократии, хотя приведенные историком факты не только не укладывались в ее рамки, но, напротив, лишь подтверждали глубокое внутреннее единство процесса утверждения марксистской идеологии в России.

Важно подчеркнуть, что эта схема в работах Невского никогда не служила основанием для принижения исторической роли группы «Освобождение труда»: он считал абсолютно бесспорным ее огромное идейное влияние на русское революционное движение того периода.

Иное значение указанная схема приобрела в работах Н. Л. Сергиевского: она составила центр тяжести выдвинутой им особой концепции движения революционной мысли России к марксизму.

Прежде всего отметим, что Сергиевский, в отличие от Невского, почти совершенно не касался социально-экономических факторов, подготовивших почву для зарождения марксизма в России. Ему, как и многим другим историкам того времени, были свойственны вульгарно-механистические представления о соотношении базиса и надстройки, следствием чего и было сосредоточение внимания почти исключительно на идеологических явлениях, связанных с заменой одной мировоззренческой системы другой. Поскольку хозяйство страны стало принимать капиталистический облик, постольку «потребовалась и новая революционная идеология»¹ — такова отправная мысль Сергиевского, который весь процесс становления социал-демократического самосознания в революционных кругах России представлял в виде «всплесков», прямо и непосредственно связанных с экономической конъюнктурой в каждый данный момент.

Другая характерная черта исследований Сергиевского сводится к неправильному решению вопроса о классовом соотношении двух идеологических систем — народничества и марксизма. Весьма произвольно трактуя народническую идеологию как «потерявшую всякие шансы анархославянофильски-самобытную систему», он утверждал, что последняя, будучи освобожденной от «мелкобуржуазных утопий и бредней мещанского социализма»,

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 86.

выступала уже в роли раннего русского марксизма¹. Б. Пугачевский в рецензии на книгу Сергиевского о группе Благоева еще в 1929 г. справедливо отметил, что всякий мало-мальски грамотный марксист отвергнет такого рода постановку вопроса об идеологической преемственности марксизма от народничества: автор «упустил из виду тот факт, что если от народничества отбросить утопические его черты, то останется не чистейший марксизм, а чистейшая буржуазная идеология»². Этот грубый методологический просчет предопределил массу противоречий и ошибок при первых же подступах Сергиевского к проблеме возникновения марксизма и развития социал-демократического движения в стране.

Генетически его подход к этой проблеме связан с до-октябрьскими работами В. Акимова (Махновца). Вслед за ним Сергиевский выступил с отрицанием того факта, что группа «Освобождение труда» явилась родоначальницей социал-демократии в России. Не оспаривая заслуги группы, и особенно Плеханова, «по части разработки марксизма и приложения его к российской действительности», автор без всяких заслуживающих внимания доказательств сенсационно утверждал, что к моменту образования группы «Освобождение труда» в революционных сферах России уже существовала марксистская идеология наряду с практическими попытками ее утверждения и образования марксистской партии³. Сенсационность этого утверждения усиливалась тем, что носителем марксистской идеологии Сергиевский объявил московское «Общество переводчиков и издателей» (Распопин, Янович и др.), которое будто бы еще в 1883 г. выступило «под совершенно чистым знаменем научного социализма» и оказалось марксистским «без всякой примеси»⁴.

Так Н. Л. Сергиевский заложил первые камни концепции, в основе которой лежала мысль о «самозарождении марксистской идеологии» в различных местах России вне зависимости от идейного влияния группы «Освобождение труда». Последняя, по словам автора, в силу ряда обстоятельств (прежде всего эмиграция со всеми последствиями)

представляла собой особую, заграничную ветвь русской социал-демократии, параллельно с которой развивалась возникшая едва ли не раньше совершенно самостоятельная «туземная» (т. е. внутрироссийская) струя. Если «заграничные социал-демократы» имели возможность сопоставить опыт закончившейся революционной борьбы на русской почве с текущей борьбой на Западе и при свете учения Маркса и Энгельса разобраться в выборе направления, то «туземные социал-демократы» имели лишь русский опыт и некоторые теоретические схемы, что предопределило серьезные идейные блуждания и такой характер их социал-демократизма, который во многом расходился с программой группы «Освобождение труда»¹.

Отдельные факты, свидетельствующие о напряженных идейных исканиях в кружках переходного характера, Сергиевский односторонне истолковывал как «самозарождение» и «индивидуальное освоение» марксизма². Идейную базу этого «освоения» он тщательно, но крайне неубедительно отделял от марксистских работ Плеханова. Такой подход создавал превратное представление о путях развития и упорочения марксистского направления в России, давал автору основание безмерно принижать идейное влияние группы «Освобождение труда» на «туземные революционные сферы». В произвольно толкуемых фактах «самозарождений идеологии» он усматривал доказательство того, насколько слабо было «идейное влияние группы на российскую интеллигенцию и как незначительны были ее духовные связи с нею»³. Сергиевский явно принижал научно-теоретическое содержание первых марксистских работ Плеханова, а потому не мог, вернее, не хотел понять, что издание и распространение группой произведений Маркса и Энгельса, с одной стороны, оригинальных марксистских работ самих ее участников — с другой, представляло собой единую сумму мер, направленных не только на распространение идей научного социализма, но и на создание единой программно-тактической базы социал-демократического движения в России.

Вопрос о переходе Плеханова и его единомышленников на позиции марксизма Сергиевский рассматривал в рамках более общей проблемы идейной эволюции основных течений революционного народничества на протяжении

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 103, 105, 162.

² См. там же. С. 162—163.

³ Там же. С. 105, 163.

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. Т. 2. С. 86. См. также: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М.; Л., 1929. С. 78.

² Пролетарская революция. 1929. № 8—9 (91—92). С. 182.

³ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 91—92.

⁴ См. там же. С. 98.

80-х гг.¹ Исходя из утвердившегося к середине 20-х гг. мнения, что «Народная воля» эволюционировала в сторону партии «социалистов-революционеров» (эсеров), а «Черный передел» — к социал-демократизму, он сосредоточил свое внимание на анализе программно-тактических сдвигов в чернопередельчестве. Для историка особое значение имел тот факт, что с «Черным переделом» так или иначе были связаны возникшие независимо друг от друга плехановская и благоевская социал-демократические группы. В этой связи он и попытался выяснить эволюцию взглядов Плеханова в период его деятельного участия в газете «Черный передел».

Сергиевский полагал, что чернопередельчество не представляло собой единого в идейном отношении образования. Это был, по его мнению, конгломерат, в котором «несомненные бунтари» (бакунисты) представляли незначительное меньшинство². В него входил и Плеханов: принадлежащие ему передовые и руководящие статьи в первых двух номерах «Черного передела» «были несомненно бунтарскими». Анализ этих статей привел автора к выводу, что Плеханов-бакунист, решая вопрос о соотношении социализма и политической борьбы, уже тогда начал критику взглядов Бакунина на «стихийный коммунизм» народа. Разочаровавшись в этом «коммунизме», Плеханов незаметно для себя начал отходить и от бакунистской тактики³. «...Бакунизм Плеханова, — писал Сергиевский, — не вынес испытания дольше 2-го номера «Черного передела», а с третьего номера ему пришлось сжечь бакунистские корабли и солидаризироваться со своими антиподами — народовольцами — по вопросу и о политической борьбе, и о политических реформах». Письмо Плеханова в редакцию «Черного передела» (январь 1881 г.) автор рассматривал как его отказ «от своего прежнего бунтарского credo»⁴.

В разрыве Плеханова с бакунизмом Сергиевский не усмотрел, следовательно, ничего, кроме перехода на позиции народовольчества. И пока этот почти единственный яркий сторонник Бакунина в чернопередельчестве совершал указанный переход, все другие члены «Черного передела», с самого начала представлявшие его «небакунистскую

часть», постепенно утвердились на тактических принципах революционного «пропагандизма», обоснованного П. Л. Лавровым еще в 1876 г. Эта тактика в исследованиях автора предстает своего рода мостом от народничества к социал-демократизму: став преобладающей у чернопередельцев «второго призыва», она была воспринята группой Благоева, а от них перешла к социал-демократии 80 — начала 90-х гг.¹

Здесь важно отметить одну особенность концепции Сергиевского, без которой трудно понять ход его суждений о движении революционно-народнической мысли к марксизму. Историк полагал, что в воззрениях молодых чернопередельцев, освободившихся от идейного влияния уехавших за границу членов старой редакции «Черного передела», произошел «крупнейший переворот»: они окончательно утвердились на позициях «лавровского пропагандизма», отказались от идеализации общины, всех основных идей «русского социализма». «Одним словом, — писал Сергиевский, — в новых народниках ничего не осталось от старого народничества. Пал бакунизм, пала община, основы «русского социализма» оказались уничтоженными и замененными пропагандизмом, а последний превращался в пропаганду западноевропейского социализма»².

Ясно, что понятием «пропагандизм» Сергиевский обозначал не только тактику, но и идеологию Лаврова и «поздних лавристов», успешно подвигавшихся будто бы к марксизму. Во взглядах новых народников 80-х гг. (в том числе и чернопередельцев «второго призыва») автор находил целый ряд элементов, свойственных марксизму. В частности, по его мнению, они не только предвосхитили постановку вопроса о политической борьбе, которую впоследствии развил Плеханов в брошюре «Социализм и политическая борьба», но даже и мысль о создании «рабочей партии», а также идею союза рабочего класса с крестьянством. Более того, во взглядах чернопередельцев на пролетариат он нашел «зародыш понятия гегемона революции»³.

Н. Л. Сергиевский, таким образом, искал истоки

¹ См.: Сергиевский Н. Народничество 80-х годов // Историко-революционный сборник. Т. 3. М.; Л., 1926.

² См. там же. С. 151.

³ См. там же. С. 154—155.

⁴ См. там же. С. 158.

¹ См.: Сергиевский Н. Народничество 80-х годов. С. 158, 174.

² Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 16.

³ См.: Сергиевский Н. Народничество 80-х годов. С. 160—161. Ср.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 12.

«туземного» (внутрироссийского, «посюстороннего») марксизма, отличавшегося, по его мнению, от мирозозерцания плехановской группы «небоевым» характером, в лавризме. Во всех его работах настойчиво декларировалась мысль о том, что «между марксизмом конца 70-х гг., вылупившимся из старого лавризма, устанавливается прямая и непосредственная идеологическая связь с формирующимся марксизмом середины и конца 80-х годов»¹. Обоснование этой глубоко ошибочной точки зрения Сергиевский осуществлял при помощи тенденциозного истолкования ряда народнических документов 80-х гг. и вопиющей модернизации взглядов П. Л. Лаврова. В нашей литературе справедливо отмечалось, что автор, комментируя программные документы народнических групп, не давал ни верного представления о характере идейного развития этих групп и их представителей, ни точного анализа проводимых ими программ².

Понятно, что Сергиевский в решении вопроса о «происхождении русского марксизма», по сути дела, не оставлял никакого места для группы «Освобождение труда». Во всяком случае, он никак не мог признать ее родоначальницей российской социал-демократии. Правда, он не отрицал факт взаимодействия «туземного марксизма» и группы «Освобождение труда», но именно первому (в лице группы Благоева) приписывал решающую роль в переходе революционной интеллигенции на марксистские позиции. При этом основной акцент Сергиевский делал на «различии идеологий» плехановской группы и «туземных» кружков и групп, подчеркивая, что идеологические различия между последними были несущественны и все они будто бы «были ближе друг к другу, чем к группе «Освобождение труда»³. Несколько позднее автор вынужден был признать, что мирозозерцание группы «Освобождение труда» и популяризация ею марксизма «внесли некоторый вклад в разработку туземной марксистской идеологии», но вновь подчеркивал, что «группа была лишь одним из слагаемых, которые толкнули революционные сферы к марксизму и социал-демократизму»⁴.

¹ Сергиевский Н. Народничество 80-х годов. С. 183—184.

² См.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России, 1883—1894 гг. М., 1959. С. 278.

³ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 166—167.

⁴ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 61.

Таким образом, предвзятая схема, которой руководствовался Сергиевский, не могла дать никаких ориентиров для подлинно научной разработки проблемы. Автор игнорировал тот факт, что Плеханов преодолел «бакунистскую инерцию» задолго до того, как он узнал о существовании «партии русских социал-демократов», программные искания которой не могли иметь самодовлеющего значения для его утверждения на марксистских позициях. Самые экскурсы в идейную историю группы «Освобождение труда» понадобились автору лишь для доказательства совершенно несостоятельного положения о том, что Плеханов вплоть до 1887 г., когда ему будто бы пришлось «пообщитить» свою программу под влиянием «туземных марксистов», шел не к марксизму, а к народовольчеству. К последнему историк сводил всю «практическую» часть плехановской программы 1884 г. Не случайно, что в этих экскурсах мы не найдем упоминания о важности пристального изучения работ Маркса и Энгельса для мировоззренческого развития Плеханова даже применительно к 1881—1883 гг., не говоря уже о более раннем периоде, который совершенно не интересовал Сергиевского.

Сложность и противоречивость изучения проблемы перехода Плеханова и других деятелей группы «Освобождение труда» на позиции марксизма, достижения и новые тенденции в этом процессе отразила статья В. Кирпотина¹. В противовес различным вариациям идеи о том, что марксизм на русской почве вырос из народнической идеологии, автор рассматривал переход Плеханова к марксизму как диалектический процесс, в ходе которого состоялась замена «старой народнической идеологии марксизмом, но уже в сознании рабочего класса».

Отметив, что Маркса знали в русском революционном движении и до Плеханова, автор подчеркивал: «...Плеханов первый понял и усвоил марксизм как теорию пролетариата, противопоставленную всяким другим буржуазным и мелкобуржуазным учениям... Он сменил одно мировоззрение другим, он был вполне сложившимся убежденным народником и стал марксистом»². Тем самым Кирпотин решительно и справедливо отверг традицию «считать Плеханова особенным народником, чем-то вроде марксиста среди народников», традицию, в основе которой лежало методологически ошибочное истолкование

¹ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму // Проблемы марксизма. 1931. № 5—6.

² Там же. С. 129.

Плехановских статей в «Земле и воле» и особенно в «Черном переделе». Родоначальником этой традиции он не без основания считал самого Плеханова. В указанных статьях последнего Кирпотин видел первую ступень его теоретико-политического развития, но рассматривал их под иным углом зрения, нежели его предшественники и современники: он искал в них не «элементы марксизма», а истоки и смысл социально обусловленной эволюции *народнических* взглядов Плеханова с целью выяснения характера его перехода к марксизму.

В связи с этим Кирпотин сосредоточил внимание на выяснении методологических позиций, с которых в то время Плеханов решал основные вопросы теории и практики революционного движения. Итогом наблюдений автора был вывод о том, что до осени 1880 г. Плеханов оставался «правоверным народником, позитивистом и плюралистом по методу, ориентировавшимся в тактике на особый путь исторического развития России». Лишь с осени 1880 — начала 1881 г. в его мировоззрении начинается «интенсивнейшая перестройка», которая и привела к «отказу от народничества»¹. Эта перестройка закончилась в 1882 г.: Плеханов становится марксистом².

Кирпотин сумел критически подойти к тем высказываниям Плеханова, которые давали повод игнорировать пропасть, разделяющую народничество и марксизм. Обвинив Плеханова в идеализации своего народнического прошлого, автор доказывал, что основатель группы «Освобождение труда» стал марксистом не путем изменения выводов из своих взглядов, не путем внесения поправок в свое мировоззрение, а «путем коренного пересмотра старого мирозерцания, путем отказа от него и усвоения другого учения, теории Маркса и Энгельса»³. Речь, следовательно, шла о том, что в процессе смены народничества марксизмом обеспечивалась *структурная* перестройка всего мировоззрения Плеханова — «от вульгар-

¹ См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 132, 145.

² См. там же. С. 149.

³ Там же. С. 132. Несколько раньше, в 1928 г., Кирпотин утверждал, что «начало русской социал-демократии» было положено усвоением — при помощи марксизма — двух принципиальных положений: 1) строгого различия буржуазной революции от социалистической и 2) невозможности подмены действия масс «действованием революционного инициативного меньшинства». Плеханову, писал автор, «принадлежит честь и бессмертная заслуга инициативы на этом поприще» (см.: Кирпотин В. Тактика Плеханова в революции 1905 года // Под знаменем марксизма. 1928. № 5. С. 136).

ной позитивистской теории факторов, ничего не объясняющей, а только не совсем умело классифицирующей социальные явления, к монистическому объяснению истории на базе марксизма»¹.

Едва ли не первым Кирпотин обратил внимание на то, что Плеханов, завышая теоретический уровень своих народнических взглядов (прежде всего, по линии «экономического детерминизма»), неизбежно переоценивал и значение для своего развития работ М. А. Бакунина, который, будучи субъективистом и волюнтаристом, интерпретировал исторический материализм Маркса «в духе вульгарного позитивистического социологизма Прудона»². Плехановские выкладки в работе «Закон экономического развития...» Кирпотин назвал «обычным социологизмом», используемым для доказательства сугубо народнических идей. Он выразил полное несогласие с исследователями, которые в связи с этим «социологизмом» и за общими «народническими трафаретами» Плеханова-народника обнаруживали глубокое проникновение его в суть марксистского учения³.

При всем этом Кирпотин признавал в мировоззрении Плеханова некоторые черты или особенности, которые, по его мнению, только и могли объяснить, почему именно он первым из революционных народников сумел под воздействием выступившего уже на борьбу за свое освобождение рабочего класса стать марксистом (отсутствие свойственных субъективным социологам крайностей в решении проблемы объективного и субъективного в историческом процессе, более последовательная, чем у Бакунина, ставка на массовое народное движение, зародышевое понимание различия между буржуазно-демократической и социалистической революциями, отход от бакунистской постановки вопроса о революции и др.).

Но именно здесь наблюдения Кирпотина звучали наименее убедительно. В частности, взгляд на освобождение народа, как дело самого народа, был свойствен не только Плеханову, но и большинству землевольцев; мысль о том, что осуществление народнической программы в полном объеме является делом далекого будущего, была заложена в самой программе «Земли и воли»; бакунистскую идею о том, что «социальная революция» явится

¹ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 148—149.

² См. там же. С. 130—131.

³ См. там же. С. 130, 132.

неким единовременным актом, разделяли далеко не все участники народнического движения 70-х гг. и т. д. Во всяком случае, из указанных наблюдений автора вовсе не вытекало, будто Плеханов в «самый разгар народнической ортодоксии» (т. е. в конце 70-х гг.) уже понимал, что «в случае пересмотра народнической программы ее придется пересматривать целиком, отказываться от нее и заменять ее новой, а не накладывать на нее заплату политического заговора»¹.

«Начало конца» народничества Плеханова Кирпотин связывал с его статьей во втором номере «Черного передела» (от 2 сентября 1880 г.). Он нашел здесь еретическую, с народнической точки зрения, мысль о двух возможных комбинациях движущих сил будущей «социальной революции»: или гегемония крестьянства, или гегемония пролетариата². Тем самым якобы Плеханов, еще не став марксистом, порывал с народничеством. В действительности же в указанной статье этой «ереси» не содержалось: Плеханов, не отвергая самой возможности политического переворота и относительных благ, доставляемых политической свободой, доказывал «второстепенное значение» политической борьбы, призывал «поставить деятельность в народе превыше всех задач» и лишь оставлял открытым вопрос: «из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной партии, когда пробьет час экономической революции в России»³. При этом Плеханов отмечал, что в настоящее время промышленное развитие России ничтожно и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство».

Из анализа чернопередельческих статей Плеханова Кирпотин, как и те из его предшественников, против которых он выступал, делал вывод о том, что теоретик народников-федералистов вплотную подошел к марксизму, хотя сам еще не понимал всего значения происшедшего в нем «умственного переворота»⁴. Критическое чутье в данном случае изменило автору: он, по сути дела, согласился с Плехановым, который утверждал, что за границей им «только были подведены итоги тому, что было сделано и

¹ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 145.

² См. там же.

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 126—127, 131.

⁴ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 147.

узвано нами в России»¹. Не случайно в статье Кирпотина весьма глухо звучит такой определяющий фактор идейного развития Плеханова, как углубленное изучение произведений Маркса и Энгельса (особенно после его отъезда за границу в 1880 г.).

В известной мере с этим связано и крайнее преувеличение автором значения деятельности Плеханова-народника в рабочей среде. Он подчеркивал «огромное значение» этой стороны его революционной деятельности: она «вызвала ряд существенных видоизменений в старой народнической идеологии и сравнительно быстро поставила вопрос о необходимости полной замены народничества новой теорией»; более того, она позволила практически увидеть решающую роль рабочего класса в революции и понять марксизм как теорию, исключающую другие революционные теории. Деятельностью Плеханова в рабочей среде Кирпотин объяснял, почему именно он стал «первоучителем марксизма в среде российских революционеров и русского рабочего класса»².

Сама по себе попытка Кирпотина более пристально взглянуть на «социальные причины и социальный смысл» теоретического развития Плеханова в сторону марксизма имела немаловажное научное значение. Но и в данном случае автор шел вслед за Плехановым, который после перехода на оппортунистические позиции счел возможным абсолютизировать связи с рабочими в анализе своей эволюции к марксизму. Статья В. Кирпотина не давала ответа на вопрос: почему другие выдающиеся народнические деятели 70-х гг., также работавшие в пролетарской среде, эволюционировали в большинстве своем не к марксизму, а к мелкобуржуазному политическому радикализму? Автору не удалось показать сложный, опосредованный характер связи личных впечатлений, вынесенных Плехановым из пропаганды в рабочей среде, с его движением к целостному восприятию учения Маркса. Кирпотин несколько преувеличил идейные сдвиги в развитии Плеханова в течение 1879—1880 гг. Но важно отметить, что он в какой-то мере преодолел точку зрения тех авторов, которые весь смысл этих сдвигов видели в приближении Плеханова к программе «Народной воли». Историк показал, что признание Плехановым политической борьбы бази-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 92.

² См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 160—163.

ровалось «уже на марксизме»¹, т. е. на таком ее понимании, которое не оставляло места для идейного сближения с народовольчеством.

Дальнейшее идейное развитие Плеханова в 1881—1883 гг. Кирпотин рассматривал как завершение его перехода к новому мировоззрению. В самом факте создания группы «Освобождение труда» реализовался, по его мнению, процесс «отказа от народничества и замены его марксизмом...»². Но именно этот процесс, наиболее интенсивно протекавший в указанные годы, очерчен автором слишком беглыми штрихами. Его плодотворная мысль о структурной перестройке всего мировоззрения Плеханова в этот период оказалась скомканной и слабо аргументированной.

Отчасти это связано с тем, что Кирпотин не сумел преодолеть навеянную самим Плехановым тенденцию рассматривать все народническое движение второй половины 70 — начала 80-х гг. как анархистско-бакунинское. Ленинская мысль о полуанархической точке зрения народничества³ не стала для автора основой решения поставленного им вопроса: «от чего Плеханов шел к марксизму...»⁴. Шел ли он от полуанархических народнических воззрений, как это и было в действительности, или от воинствующего анархизма Бакунина, как считает автор, — от этого во многом зависело подлинно научное решение всей проблемы. Позиция же автора неизбежно порождала противоречия. Так, рассматривая плехановское решение вопроса о судьбе общины в России, он должен был признать, что Плеханов «повторял народников, был народником, а не анархистом»⁵, хотя на протяжении всей статьи провозглашал его сторонником бакунинских взглядов, вообще игнорируя генетическую связь идеологии революционного народничества 70-х гг. с учением Герцена и Чернышевского.

Преувеличение влияния идей Бакунина на мировоззрение Плеханова имеет особое значение в концепции Кирпотина: он полагал, что бакунизм (как и некоторые другие «пережитки» народничества) не был «довыкорчеван до конца в голове» «первоучителя марксизма в Рос-

¹ См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 147.

² См. там же. С. 149—150.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 179.

⁴ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 149.

⁵ Там же. С. 141.

сии»¹. В этом историк видел тот груз прошлого, который будто бы «сузил масштаб понимания усвоенного им марксизма». «В том, от чего Плеханов шел к марксизму, — писал он, — коренятся некоторые из моментов, объясняющих меньшевизм Плеханова»².

В. Кирпотин явился одним из творцов «теории» ограниченности, «неполноценности» плехановского марксизма. Он пытался доказать не исторически обусловленную ограниченность мировоззрения Плеханова-марксиста, а именно ограниченность его марксизма, приведшую к меньшевизму. В соответствии с этим автор совершенно неосновательно приписывал Плеханову «недостаточно богатое» восприятие марксизма, «суммарный подход» к российской действительности, поверхностный охват «в изучении своих объектов»³ и т. д. Из всего этого, так же как из приобретенных навыков «почти семилетней школы позитивизма», которую прошел Плеханов, Кирпотин выводил его меньшевизм. Он резюмировал свои мысли так: «Особенности теоретического развития марксизма привели Плеханова к суммарному усвоению марксизма; суммарное усвоение марксизма, достаточное для преодоления народничества, в дальнейшем привело Плеханова к формалистическому применению марксизма, что и было методологическим корнем меньшевизма Плеханова»⁴. Эта нескладная и внутренне фальшивая формула позволяла историку отыскивать корни меньшевизма Плеханова уже в его первых марксистских работах. Но для этого он должен был покинуть историческую точку зрения на объект своего исследования.

Шагом назад в трактовке рассматриваемой проблемы следует признать суждения С. И. Черномордика — автора первой монографии о группе «Освобождение труда», вышедшей в свет в 1935 г. Весь сложный процесс перехода революционной мысли страны от народничества к марксизму он свел к происходившему в недрах «Земли и воли» и, главным образом, в «Черном переделе» пересмотру «ортодоксального бакунизма». По мнению Черномордика, именно в результате этого «ревизионизма возникла... группа «Освобождение труда»⁵.

¹ См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 157, 166.

² Там же. С. 158.

³ См. там же. С. 153—154, 158.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Черномордик С. И. (П. Ларионов). Группа «Освобождение труда». М., 1935. С. 41.

Ограничив сферу своих интересов анализом бакунизма как доктрины, из разрешения внутренних противоречий которой и родился «русский марксизм», автор не сумел дать ясное представление о важнейших общественно-политических и идейных факторах, обусловивших движение ищущей мысли Плеханова к новым теоретическим позициям, позволявшим поставить под сомнение отдельные иллюзии русского «крестьянского социализма», а затем выдвинуть задачу «критической оценки всех элементов... народничества» с точки зрения научного социализма¹.

Таким образом, в решении проблемы перехода Плеханова и его ближайших сподвижников от народничества к марксизму советские историки выдвинули ряд оригинальных научных идей, решительно противостоявших попыткам меньшевистских историков трактовать ее с антиленинских позиций. Они попытались применить к разработке различных аспектов этой проблемы материалистический метод, что и обеспечило первые существенные научные завоевания: на обновленной и расширенной источниковедческой базе были намечены конкретные контуры социально-экономических и идейных предпосылок перелома в мировоззрении революционных элементов страны, выявлены важнейшие факторы, под влиянием которых началось освобождение общественной мысли от иллюзий народнического социализма, ставшего с 1883 г. объектом всеобъемлющей критики с позиций марксизма.

Но историкам-марксистам еще не удалось в конкретно-историческом плане вскрыть диалектику взаимодействия объективных условий и субъективного фактора в этом переломе. Переход к марксизму рассматривался преимущественно как *эволюционный* процесс накопления элементов марксизма и связанных с этим идейных сдвигов в рамках народнических организаций («Черного передела» или «Народной воли»). На этой основе невозможно было уяснить характер, историческую и социальную обусловленность *качественного* скачка в самосознании определенной части революционной интеллигенции, установить глубокую связь перехода ее лучших представителей к научному социализму с необратимым кризисом идеологии крестьянской демократии.

Поэтому «отделение» марксизма от народничества упрощенчески представлялось порой как простое «пере-

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 20.

несение» идей Маркса и Энгельса на русскую почву под влиянием рабочего движения, которое тем самым абсолютизировалось в качестве решающего фактора обращения революционной мысли к этим идеям. Тем самым, с одной стороны, фактически снимался вопрос о поступательном развитии революционной мысли России, ее работы над созданием основ социал-демократического мирозерцания¹, а с другой — не достигалось никакого научного соглашения с мыслью Ленина о том, что «теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»².

Непреложное требование марксизма — сведение «общественных идей к общественно-экономическим отношениям»³ — зачастую еще трактовалось в духе «экономического материализма», общих вульгарно-социологических указаний на развитие капитализма и его последствий как созидательного источника марксистских идей и первоосновы перехода революционной России от утопии к науке. На общих подходах историков к этой проблеме еще сильно отражалась недостаточная разработанность концептуальных и методологических аспектов взглядов Ленина на историю освободительного движения в России, хотя они и стремились опереться на определенную сумму его выводов и оценок.

Со всем этим, на наш взгляд, связаны отступления от принципа историзма и увлечение созданием умозрительных, субъективных схем, способных вносить лишь путаницу в сложную картину идейных исканий революционной мысли страны на пути к марксизму. Эта путаница усугублялась постепенным вторжением в разработку темы антинаучных попыток найти методологические корни меньшевизма в том мировоззренческом комплексе, благодаря которому «идейно определелось направление русского марксизма...»⁴.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 331.

² Там же. Т. 6. С. 31.

³ Там же. Т. 1. С. 414.

⁴ Там же. Т. 25. С. 94.